

Наталья
КОРНИЛОВА

ПАНТЕРА

ПРОДАННЫЙ СМЕХ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Пантера

Наталья Корнилова

Проданный смех

«ЭКСМО»

2005

Корнилова Н. Г.

Проданный смех / Н. Г. Корнилова — «Эксмо»,
2005 — (Пантера)

Сотрудница агентства «Частный сыск» Мария Якимова лишь в крайнем случае пускала в ход свои неординарные способности. В минуты опасности милая девушка становилась Пантерой – сильной и беспощадной. Эти качества воспитал в ней ее учитель, японец Акира... Расследуя таинственное исчезновение молодой писательницы Ольги Заречной, накануне получившей престижную литературную премию, Мария столкнулась с массой непонятных явлений. Одну за другой она отбрасывает версии: месть, ревность, похищение с целью выкупа... Но, видимо, есть еще вариант – мистический. Ведь найдена записка, где говорится о полнолунии и мертвой собаке... К тому же в окрестных полях видели таинственную лошадь с перекинутым через седло человеческим телом... Чтобы разрубить этот запутанный узел, Мария выпускает Пантеру на свободу...

© Корнилова Н. Г., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Наталья Корнилова

Проданный смех

Пролог

Я влетела в прокуренное помещение, где было полно мужчин. Многие – без пиджаков, было очень жарко, и я заметила, как их руки сразу же дернулись подмышку – за оружием.

Я обвела всех «макаровым». На лице у меня была черная маска, так что я не боялась быть узнанной.

– Стоять. Мне нужен – он.

Кто он – сомнений не возникло. Посреди комнаты на стуле сидел связанный избитый молодой человек. Длинные до плеч светлые волосы слиплись от крови, глаза были полузакрыты, тело обмякло. Черт, как они его! Сумеет ли уйти?

Люди и город праздновали чисто русскую дату – старый Новый год. И только здесь не ощущалось дыхания праздника. Словно киношные итальянские мафиози, по периметру комнаты стояли мордовороты с таким выражением лица, словно находящийся в центре человек как минимум изнасиловал их дедушку в извращенной форме. А он всего-то навсего был вором.

– Здесь есть вентиляционный люк, – сказала я. – Он окружает комнату с трех сторон.

Главный бандит, заказчик, для которого я искала длинноволосого блондина, усмехнулся при этих словах.

– Там десять коробков с тротилом, связанные между собой, – стерла я улыбку с его лица. – Дистанционка у меня.

Я ее показала.

Бандит невольно сглотнул.

Мне никто не мешал забрать блондина, правда, тащить его пришлось вместе со стулом, постоянно держа руку на кнопке. Другой рукой я держала «макаров». На меня смотрели сразу десять стволов. Но стрелять пока не собирались. Я приблизилась к двери.

Уже стоя на пороге и опять же одной рукой разрезая пути пленника, я сказала:

– Один из вас идет со мной. Это гарантия, что я не нажму кнопку. Но только один!

Главный пошел сам. Он помог мне дотащить парня до машины, где бросил его на заднее сиденье «Чероки», и с ненавистью посмотрел на меня.

– Если бы там, – он кивнул на здание, которое мы только что покинули, – не находился мой брат...

– Там еще твой племянник, – сказала я. – Я же твердо знала, куда шла.

Главный доехал со мной до ворот, где я оглушила его, вытолкнула на снег, бросила сверху бесполезную дистанционку и рванула что было сил.

Блондин на заднем сиденье лежал как мертвый, но я знала, что он жив. Такие, как этот, не умирают.

– Камни, – бредил он, – не знаю... она их спрятала?.. Камни...

– Танцор, ты о чем? – спросила я. Но человек, чье прозвище было на слуху у всей Москвы, уже потерял сознание.

Глава 1

Суббота.

Компания отдыхала вместе уже третий день, и за это время было выпито столько разгоняющих кровь напитков, что хватило бы на комплектацию небольшого бара. Причем спиртное было отменного качества, исключительно из специализированных винных магазинов, так что стоимость бара получилась бы немалой. Пусть из большинства собравшихся на роскошной даче к бизнес-элите принадлежали единицы, но тем не менее в этой тусовке царили общие для всех законы. Напитки стоимостью ниже двадцати долларов за бутылку исключались из меню автоматически.

Пустые бутылки «Хэннесси», «Бейлиза», выдержанного французского шампанского, взятого для женской половины, клюквенной «Финляндии» и несколько бутылок сравнительно недорогого среди такого выбора «Мягкова» медленно, но верно заполняли мусорку на заднем дворе, которая здесь деликатно именовалась «контейнер бытовых отходов». Упомянутый контейнер, помимо стеклотары, также содержал в себе шкурки всевозможных фруктов, оберточную бумагу, в которой на дачу была привезена превосходнейшая ветчина. Кроме того, виднелись кусочки не доеденного кем-то сомячьего балыка. Осетр же холодного копчения улетел на «ура», и пластиковая упаковка, в которой он прибыл, была абсолютно пуста.

Но, как предполагала девушка, стоявшая в данный момент возле контейнера, среди остатков пиршества находилась еще одна вещь, не совсем подходящая для мусорки.

– Ведь только три дня назад купила! – горестно жаловалась контейнеру молодая девушка, то нервно заплетая, то расплетая длинную русую косу. Приятную темноту летней ночи нарушал только свет фонарика, исходивший почему-то изнутри контейнера.

Девушка устало вздохнула:

– Пятнадцать тысяч за эту проклятую трубку отвалила! И все зря! Сто лет мечтала сменить свой допотопный «Эрикссон»... И что теперь? – Вопрос остался без ответа. Контейнер молчал, но девушка не унималась: – Ну что там? Нашел?

Она похлопала по спине мужчину, которому адресовался вопрос. Он стоял сейчас перед девушкой в не совсем соответствующей правилам этикета позе «рак пятится назад». Верхняя половина тела мужчины пребывала внутри контейнера, а нижняя, одетая в старые вытертые джинсы, нетерпеливо дернула ногой. Сей жест, по-видимому, означал: «Уйди и не мешай!» Молодой парень был невысокого роста и полноват, поэтому то, что находилось посередине верхней и нижней половин его тела, постоянно перевешивало внутрь контейнера, так что ему приходилось прилагать усилия, чтобы не присоединиться к компании пустых бутылок. Это тоже очень затрудняло поиски.

– Детка, не суетись! – Парень с натугой поднял голову изнутри и, отвернувшись, жадно втянул в себя свежий ночной воздух. – Фу, какая же здесь вонь! Дышать нечем.

– Ну что, ты нашел его? – Девушка, казалось, не замечала отвратительного запаха, стоявшего в этой части двора. – Нашел?

Ее друг вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони и выключил фонарик. Палку, которой он ворошил мусор и тревожил мух, парень поставил возле бака. Черные глаза продолжали блестеть и в темноте.

– Нет, – потянувшись, сказал он. – И, боюсь, уже никто не сможет достать его. Яма очень глубока, а пакет, как мы вычислили по этому твоему дедуктивному методу, был выкинут сразу же, как только мы приехали. Значит, он уже давно завален. Есть один вариант, как достать этот пакет...

– Какой? – тут же встрепенулась девушка.

– Чистить контейнер. Сама понимаешь, сейчас этого делать никто не станет.

– Да уж, – уныло согласилась девушка. – Леха скорее умрет, чем позволит испортить себе «хеппи бестдей» санитарно-гигиеническими процедурами. Да и потом, надо приглашать бригаду чистильщиков, или как они там называются... Знаешь ведь, что Леха ничего сам не делает.

– Понятно. Не царское это дело.

Петр помолчал и подошел к вопросу с другой стороны:

– Ты уверена, что положила телефон именно в пакет?

– Да откуда я знаю? Я не помню. Купила телефон по дороге, когда мы из Саратова выезжали, ты же помнишь. Решила воспользоваться акцией, пока магазин менял старые сотовые телефоны на новые. А теперь я вообще без трубки осталась!

– А почему ты его не в рюкзак положила, а в пакет? – спросил Петр, поднимая руку, чтобы почесать за ухом. Но запах, идущий от руки, заставил его передумать. Пахло не очень. Конечно, перед тем как рыться в мусоре, он предусмотрительно надел перчатки, однако толку от этого было мало.

Девушка продолжала:

– Рюкзак и так был переполнен. Вспомни, я же дядю тогда встретила, он с дачи из Поливановки ехал. Я его как-то давно, сто лет назад, просила отдать мне некоторые книжки, которые там у нас на чердаке валялись, – дача когда-то общей была. Вот он их мне и вез. Я их запихнула в рюкзак, потому что больше некуда было. И коробка не влезала. Я подключила новый телефон, вставила симку, но саму трубку выключила и положила в коробку, а коробку, наверное, сунула второпях в какой-то из пакетов... Ой, блин, я уже запуталась, что, когда и куда я сунула!

Она нервно перекинула косу с одного плеча на другое и снова ее затеребила.

– Яйцо в утку, утку в сундук, – пробормотал Петр. – Котик, ты типичный представитель женского племени.

– То есть? – подозрительно покосилась на него девушка.

– Логика у тебя исключительно женская. Зачем ты телефон в коробку сунула? Он же в любой карман влезет! Не в свой, если уж класть некуда было, так в чужой положила бы. Ну, объясни, зачем?

– Да просто так, – растерянно сказала «типичный представитель женского племени». – Чтобы не потерять. Ты ведь знаешь, что я все теряю, думала, что в коробке-то я уж точно его сохранию. Все-таки коробка такая... ну она явно заметнее, чем штука размером чуть больше спичечного коробка.

– Тогда тем более надо было мне отдать, – наставительно сказал Петр и неохотно добавил: – Или уж Сергею, раз он твой парень. Эх, Оля, Оля...

– Надо было, – расстроено согласилась Ольга, – только теперь-то что толку говорить? Искать надо.

– Кстати, может быть, позвонить на твой телефон? – внезапно осенило Петра. – Мы услышим звонок и...

Девушка выразительно постучала по виску.

– Умник! Я же выключила телефон!

– А зачем? Тебе что, телефон не был нужен? – снова удивился Петр. Совместные поиски привели к тому, что оба перемазались выше всякой меры, и это начало уже порядком раздражать. Однако он не выказывал своего недовольства, тем более что ему нравилась близость девушки даже в таком неподходящем для романтики месте.

– Почему, почему... – не менее раздраженно ответила Ольга. – Потому что достали все. Не хотелось, чтобы кто-то звонил. Я приехала отдохнуть на природу! Я же не знала, что кому-то понадобится выкидывать именно мой пакет, в котором я оставила трубку! И я не виновата,

что у нас оказалось сразу три одинаковых с виду пакета! И что в одном из них кто-то додумался привезти с собой мусор!

Петр расхохотался:

– Да это Васька по дороге оголодал и целую курицу умял. Ну там пиво тоже... Надо же куда-то было бутылки складывать!

– И вы выбрали именно мой пакет!

– Ну блин, перепутали! Перед тобой уже все извинились, и не по одному разу. Короче, ладно, пойдем в баню, руки мыть. Запашок тот еще. Олечка, сочувствую, но телефон мы уже не достанем.

– Петя, – расстроено протянула девушка, осторожно снимая с перчатки сосисочную кожуру. – Но как же я теперь без телефона?... Старый-то не действует, сим-карта в новом осталась.

– Да ладно. – Петя был настроен более оптимистично. – Если надо позвонить, только скажи. Здесь все на связи. А Серый тебе потом новую трубку купит!

– Как же, купит он! – угрюмо пробормотала Оля. – Да он только на себя деньги тратит! Да дело даже не в этом, а в симке.

– Ты же не хотела, чтобы тебе кто-то звонил.

– А если я захочу кому-то позвонить? У меня же девичья память. Я ни одного номера наизусть не помню. А все важные номера в телефонной книге были записаны! В общем, спор бесполезный, – подытожила девушка и выхватила фонарик из рук Петра. – Дай. Ты, конечно, можешь идти, спасибо тебе большое за помощь, но, видимо, мне самой придется искать телефон! Мне же еще в Москву надо позвонить, – уже тише добавила она.

Девушка взяла длинную палку, которой было удобно ворошить пакеты, и нагнулась. Светлые бриджи аппетитно обтянули длинные ноги девушки, так что глаза Петра заблестели еще больше. Он втянул воздух ноздрями и отвернулся, однако не ушел, как думала девушка. Поэтому через некоторое время, с трудом приняв вертикальное положение, она испуганно вскрикнула, заметив, что Петр все еще находится рядом. Ольга схватилась за виски.

– Господи, кровь к голове прилила, теперь в глазах зайчики прыгают. А ты еще здесь? Я думала, ты ушел.

Петр в ответ только блеснул черными глазами.

– Разве я тебя брошу? – ласково сказал он. – Я не Серега. Это он сейчас бухает, ему наплевать, что...

– Петя, хватит, – оборвала его Ольга. – Эта тема давно закрыта.

– Тобой. Но не мной.

– Тебе советую сделать то же самое. Пусть он балбес, но...

Она засомневалась, словно не зная, говорить ли то, что вертелось на языке.

– Ты его любишь, – закончил Петр, глядя на звезды.

– Ага, – согласилась девушка, упорно рассматривая вонючую темноту контейнера. – Очень люблю. Просто как Джульетта Ромео. На все времена...

Она снова наклонилась внутрь контейнера, роясь в ворохе пакетов. Ее голос слышался глухо, но отчетливо:

– А ты, Петя, найди себе другой объект для чувств, я тебе это уже тысячу раз говорила. Ты очень хороший...

– Но я не Серый, – опять закончил фразу Петр. – Ладно, детка, тогда ройся в мусорке одна.

– Ты куда? – Ольга тут же бросила свое занятие и удивленно посмотрела на Петра.

– Мыться и искать другой объект. У меня, в конце концов, тоже гордость есть.

Петр обиженно махнул ей рукой на прощание и ушел, не оборачиваясь. Девушка осталась в одиночестве.

– Ути, какие мы обидчивые. Тонкая душевная организация задета моим отказом. Ой, все вы такие... Да и вообще, какая разница? Подумаешь, та баба, другая баба, строение-то у всех одинаковое... – рассуждала она сама с собой. – Верно ведь? – спросила она у пустой бутылки «Хэннесси», глядевшей на нее чуть запачканной этикеткой. – Как будто я не знаю, с кем он проводил прошлые выходные! С Ленкой Рыжовой, которая теперь, наверное, строит глазки Серому. Ну и пусть строит, мне-то что. У меня есть цель... и я к ней иду!

Ольга отбросила бутылку в сторону, чувствуя, что руки уже затекают. Держать длинную палку от швабры одной кистью, да еще и ворошить ею тяжелые, наполненные пакеты было слишком тяжело для ее хрупкой руки, привыкшей поднимать предметы не тяжелее карандаша. Внезапно она увидела то, что искала: фирменный пакет красного цвета из супермаркета, в котором она и все ее друзья отоваривались перед поездкой.

– Попался, голубчик!

Она с трудом подцепила ручку пакета и вытащила его наружу. Пакет был отчего-то очень тяжелым. «Должно быть, бутылки «Миллера» так перевешивают, – решила девушка. – Правда, они маленькие, легкие. Сколько же Васька их выпил, что так тяжело теперь?» Морщась от неприятного запаха, которым успел пропитаться пакет, Ольга поставила его на землю возле контейнера.

Однако телефона там не было. Пустые пивные бутылки были, шуршащая оберточная бумага была, в общем, всякой дряни навалом, кроме сотового. Чертыхаясь, девушка вывалила все содержимое на землю, но и такие, более тщательные, поиски результатов не дали.

– Похоже, телефон был вообще в другом пакете, – пробормотала Ольга. – Сначала мне сказали, что Васька, балбес, перепутал пакеты и засунул весь свой мусор в тот пакет, где лежал мой телефон. Черт, Петька был прав, надо было сразу трубку куда-нибудь сунуть. Стоп, – оборвала она сама себя, – все равно бесполезно размышлять – если бы да кабы... Итак, если этот пакет, в котором я сейчас роюсь, на самом деле был изначально мусорным и лежит здесь, значит, мой пакет, в котором лежит телефон, никто не выкинул и он лежит где-то в доме и меня дожидается. Это что же получается – зря рылась в этом отстойнике?

Девушка разъяренно уставилась на контейнер, словно тот был в чем-то виноват.

– Ах так? Ну они у меня получат!

Захотелось устроить скандал или разбить что-нибудь, а можно и то и другое вместе. Однако запах, идущий от ее собственных волос, заставил ее пересмотреть планы. Природная брезгливость, забытая на время поисков, изменила направление ее движения, и девушка целеустремленно пошла искать баню, расположенную неподалеку от дома.

Темнота окружила ее со всех сторон. Трава была мокрой от вечерней росы. Сверху тоже начало что-то капать. Звезд уже не было видно, небо затянуло тучами, погромыхивал гром. Девушка поежилась – темный сад и сосновые заросли возле дома наводили жуть. Где-то невдалеке завyla собака.

– Черт побери, прости господи! Эта псина уже третью ночь здесь воет, – пробормотала она себе под нос.

Когда Ольга наконец наткнулась на деревянное строение, она обрадованно нырнула в теплую, недавно топленную баню и только тогда чуть успокоилась.

Израсходовав на себя полбутылки ароматного шампуня и три раза намылившись, пока кожа не начала скрипеть, девушка наконец почувствовала себя чистой. Желание скандалить с кем-то смылось вместе с ромашковой пеной. На улице уже всю бушевала недолгая летняя гроза – из тех, что свою краткость компенсируют мощью. Казалось, весь мир содрогается от жутких раскатов и электрических вспышек. Дождь хлестал, как безумный. Ольга вытерла волосы полотенцем, потрясла головой, чтобы они слегка подсохли, и спокойно уселась в кресло в предбаннике, листая старый мужской журнал. Рядом была печка, идущее от нее тепло и покой усыпили девушку.

Уже сквозь сон она отметила, что где-то раздается странное – в дождь-то! – попискивание, но, решив, что так пищит водонагреватель в сауне, она расслабленно провалилась в сон.

Петр же стоял на крыльце. С началом дождя он зябко передернул голыми плечами, стянул майку с перил и пошел в тепло. Обстановка в даче полностью соответствовала ее внешнему виду. Старой мебели, которую обычно ссылают в загородные домики, потому что жалко выкинуть, здесь не было вообще. Только вещи экстра-класса. Раздвижные шкафы-купе из амурского бука, толстые ковры, мягкая дутая мебель в современном бесформенном стиле, сенсорная система освещения и, конечно, евроремонт. Петр, вполне спокойно относящийся к эти буржуазным радостям, счел, что дверь вполне можно открыть самому, потянув ее за ручку, а лампочку несложно включить, элементарно нажав на выключатель. Только бесшумно раздвигающиеся при его приближении двери вызвали в нем чувство, похожее на раздражение и зависть. Столько денег вбухать ни на что, зло думал он, лучше бы... Правда, что оказалось бы лучшим применением денег, Петр не смог придумать. Фраз о детях, которые стонут от голода, пока другие – как Алексей Зорин, владелец дачи, – не утруждают себя даже открыванием дверей, Петр и сам терпеть не мог. Если бы у него было столько же денег, он тоже в первую очередь окружил бы себя комфортом и роскошью. Эта мысль вызвала у него еще большее раздражение – нет ничего хуже, когда кому-то другому удастся то, о чем ты мечтал...

В большой комнате на первом этаже работал огромный телевизор с плазменным экраном. Звук был выключен, поскольку компания наслаждалась мелодией, доносящейся из непонятно где расположенных колонок. Как всегда, гоа-транс и что-то индийское. На фоне ритмичных зарисовок монотонно повторялась какая-то мантра хором старцев. Усыпляло не хуже тазепама.

Петр опустился в кресло, сразу же принявшее форму его тела, и, подперев щеку ладонью, бездумно уставился в телевизор. Шли новости. Картинка очередного взрыва, произошедшего в каком-то регионе, сменилась видом торжественного актового зала. Появилась милая ведущая и начала что-то говорить.

– Серый, включи звук, – неожиданно нарушил всеобщее молчание хозяин дачи. Он внимательно смотрел на экран.

– Зачем? – открыл глаза парень в черной расстегнутой рубашке и гавайских шортиках.

– Включи, включи...

Сергей неохотно потянулся за пультом и щелкнул кнопкой.

– Мы ведем репортаж из актового зала Дома литераторов, – отчетливо проговорила ведущая. – Здесь проходит вручение литературной премии «Серебряная ветвь».

Некоторое время люди, сидящие перед телевизором, ошеломленно слушали речь вручавшего премию. Молча смотрели, как немолодой уже, грузный тип в отглаженном жемчужно-сером костюме восходит на возвышение, чтобы взять серебряную статуэтку и сообщить, что автор книги, получившей наивысшую оценку жюри, – молодая девушка, не смогла приехать на вручение премии в силу семейных обстоятельств. После этого молодой человек, названный Сергеем, пробормотал:

– Ни фиги себе.

– А где она? – в свою очередь спросил Алексей. Он легко встал из позы лотоса, потянулся, хрустнул суставами и взъерошил свои и без того растрепанные волосы. Очки, сдвинутые на лоб во время медитации, вновь оказались на веснушчатом носу. В свои тридцать лет Алексей Зорин выглядел как повзрослевший Том Сойер, рыжевато-русый, подтянутый. В голубых глазах поблескивало мальчишеское озорство.

Сергей оглянулся. Результатом резкого перехода от транса к реальности стала заторможенная реакция.

– Ольга? А фиг знает. Где-то тут была. Петька, ты ее куда дел?

– Выкинул, – кратко ответил Петр. – Иди в мусорке поищи.

Сергей хмыкнул. Подойдя к окну и раздвинув жалюзи, он воскликнул:

– Ой, а там дождь. Эх и лупит! Гляньте...

– Тогда она дома уже должна быть, – уверенно сказал Алексей. – Что она, в такой дождь станет рыться в мусорке?

– Там тент, – пробормотал Петр, но на его слова никто не обратил внимания.

– Короче, Серый, иди ищи свою лауреатку, – тщательно выговаривая слова, сказал Василий. Было видно, что речь ему уже дается с трудом. – Это дело надо отметить. Ха, ну надо же! Никогда не пил с великими писательницами!

Сергей неуверенными шагами добрался до двери, которая тут же бесшумно распахнулась при его приближении, и отправился на экскурсию по дому. Спустя пятнадцать минут он вновь вернулся в гостиную.

– А чего один? – удивился хозяин дачи. – Спит уже?

– Разбудить надо было! – наставительно сказал Василий. – Ради такого случая можно и не поспать ночку.

Сергей растерянно упал в кресло и протрезвевшим голосом сказал:

– Да ее нет нигде. Ни в одной комнате.

– Может, она в бане? – выдвинул предположение кто-то из гостей. Те, кто был более или менее трезвым, сочли, что, скорее всего, так и есть – после мусорки баня самое то, и на некоторое время опять замолчали. Но прежнего транса и благодушного состояния уже не было. Всех взбудоражило известие, что их подруга, оказывается, теперь известная личность и признанный талант.

– Я спать, – кратко бросил Петр, поднимаясь из кресла.

Дождь перестал хлестать через двадцать минут, слегка утихнув. Сергей нехотя, ворча, что ему вечно ломают кайф, надел чью-то куртку, взял зонт и отправился в баню. Вернулся опять один. К мокрым волосатым ногам в резиновых сапогах прилипли зеленые травинки, гавайские шортики печально обвисли, зонта не было. На лице Сергея было написано, что он сейчас кого-нибудь убьет.

Он и в самом деле достал откуда-то из-под мышки зонт и яростно шарахнул им по стене.

Те, кто был рядом, опешили. На звуки в прихожую вплыл Влад. Он отличался завидным хладнокровием и способностью сохранять убийственное спокойствие в любой ситуации. Возможно, это было потому, что парень постоянно пребывал в каком-то полусне, лишь изредка открывая небесно-голубые глаза, да и то, чтобы уставиться ими в компьютер. Влад работал системным администратором в компьютерной фирме и, кроме машин, замечал только свой плеер и свою девушку, которая работала в той же компании, но секретарем. В данный момент девушка была больна, Влад приехал один.

Осмотрев Сергея с ног до головы, он констатировал:

– Ты мокрый.

– Я заметил!!!

– А почему? – спокойствие Влада было непробиваемо.

Сергей взрыкнул.

– Зонт, блин, дырявый! Какого черта держать тут зонтики, если это рвань?!

Зорин недоуменно пожал плечами, поднимая с пола зонт. Выяснилось, что из черной водонепроницаемой ткани кто-то вырезал несколько кружков. Теперь крыша зонта висела клочками.

– А-а... – Влада удовлетворило это объяснение. – А Ольга где?

Сергей старался успокоиться.

– Не знаю. В бане ее нет. Где-то в доме, наверное, где же еще. Черт побери этот зонт!

– Нет, ее нету, – покачал головой Зорин. – Я уже посмотрел.

Сергей растерялся:

– В бане ее тоже нет. Она там помылась – полотенце мокрое – и... все. Ее там нет.

– Погоди, так не бывает, – остановил его Алексей. – Где-то же она есть.

– Может, дом еще раз обыщем, – предложил Влад. Он выглядел самым сонным из всей компании, но на ногах держался вполне прилично. Если не считать полузакрытых глаз, то можно было сказать, что он практически трезвый.

Зорин одобрил идею. Для поисков были выбраны самые трезвые – Влад, Сергей и он сам. Остальные остались в гостиной, в их головах плавал такой туман, что по ходу поисков они сами могли бы потеряться, и пришлось бы искать еще и их.

Дом был большой, новый, правда, со старинной планировкой – с анфиладой на втором этаже, большими залами на первом, террасой, балконами и библиотекой. Лестниц, соединяющих этажи, было две – одна витая, парадная, по которой ходили все, и так называемая черная, про которую даже сам хозяин редко вспоминал. На третьем этаже располагались небольшие, но комфортные спальни с гардеробами, ванными комнатами и прочими удобствами.

– Зачем Ольга в баню пошла? Здесь могла бы помыться, – недоумевал Сергей, осматривая их комнату на третьем этаже. Все вещи девушки остались лежать на своих местах. Свет он не мог включить – видимо, перегорела лампочка, поэтому все осматривал впотьмах.

По небу рассеялись рваные клочья облаков, за которыми иногда пряталась луна. Полнолуние. Сильный ветер, врываясь в окно, хлопал занавеской, действуя на нервы. Вспоминались фильмы Хичкока. Где-то невдалеке провыла собака.

– Чертовщина какая-то!

Сергей резко захлопнул стекло, не потрудившись даже поправить гардину, попавшую между рамами. Сразу стало тише и как-то не так жутко. На окне лежала маленькая пудреница в серебристом продолговатом футляре. Сергей машинально, даже не думая, сунул ее в карман – Ольга вечно разбрасывает свои вещи, а потом по три часа их ищет. Правда, теперь потерялась она сама. Куда эта дурочка могла пойти в такую ночь?

Алексей Зорин осматривал библиотеку и второй этаж дома. Компьютер, стоявший в читальном зале, конечно же, забыли выключить. Он исправил упущенное, кликнув мышкой. В дисководе торчала дискета. Не трогая ее, Алексей сложил ноутбук и сунул в ящик, предназначенный для него. В дальнем углу библиотеки пряталась незаметная дверь, ведущая на черную лестницу. Алексей попытался открыть дверь, но она, к его большому удивлению, была заперта.

– Странно, – пробормотал он. – Вроде бы не запирает...

Но дверь тем не менее не поддавалась.

Владу поручили осмотреть первый этаж – однако результатом поисков стал только Дима. Коллега Влада и Сергея по работе Дмитрий на спор выпил бутылку коньяка, после чего благополучно очистил желудок через верх и отправился спать на диванчик в кухне. Сон был мертвецкий, так что Дима не реагировал ни на что.

Возле изголовья диванчика стоял стакан с положенной на него упаковкой «Алка-зельцера». Влад, не заметив стакан, пнул его под диван и, разумеется, разлил воду. Хорошо еще, что на полу лежал линолеум. Влад взял тряпку и нагнулся, чтобы вытереть лужу. Однако, заглянув под диван, он обнаружил там загадочную книжицу, которая при ближайшем рассмотрении оказалась инструкцией по пользованию сотовым телефоном. Буквы не расплылись, поэтому Влад, уважавший чужую собственность, положил ее возле плиты, чтобы быстрее просохла. Дима продолжал младенчески сопеть. В кухню неслышно вошел Зорин.

– Ну что? – спросил он. – Как успехи?

Влад отрицательно помотал головой.

– Только инструкцию нашел, – поделился он. – Под диваном. И только.

Вскоре спустился Сергей, подавленный и растерянный. В руках он держал записку. Но оказалось, что это даже не записка, а выданный из книги печатный листок, сложенный в

четыре раза. С одной стороны его была гравюра, с другой – текст, подделанный под старинный готический шрифт.

– Ничего не понимаю, – проговорил он. – Нашел на полу возле унитаза. Что это?

Зорин вынул у него записку из дрожащих рук и вслух прочитал: «Заклинание, произнесенное в полнолуние, действует особенно сильно. Следуйте нижеописанному рецепту – и обретете успех».

Сам рецепт был залит чернилами, а на полях была сделана карандашная запись. Судя по почерку, писали второпях, сокращая слова.

«Не забудь. Полнолуние нач. 27 июля».

– Сегодня двадцать седьмое, – пробормотал Сергей. – И что это значит?

В наступившей тишине сквозь Димин храп троюшка расслышала, как совсем рядом с домом завывала собака. Затем вой перешел в лай, и, нагнав жути, псина убежала.

Глава 2

...Понедельник.

Я кинула мокрое полотенце на кресло и включила радиоприемник.

– Вы слушаете «Эхо Москвы», – сообщил мне ведущий. – В столице три часа дня.

Отчего-то последние дни я возвращаюсь с пляжа четко в три часа пополудни. Скинув яркую хламиду с неопределенным, размытым рисунком, которая служила мне пляжным халатом, я осталась в одном купальнике. Шелковистый эластан практически высох, пока я под горячими лучами южного солнца возвращалась в домик, расположенный среди сотни таких же коттеджиков в Лазаревском. Идти надо было в гору, и я изрядно притомилась. Постирать бы купальник, самой помыться от морской соли... Ай, не к спеху! Передохну пару минут, а то уже с ног валюсь.

Налив себе пузырящейся холодной минералки в высокий стакан, я устроилась в плетеном кресле на веранде и в который раз поверила, что жизнь прекрасна. Над головой поблекшее небо цвета старых джинсов, на этом небе покоится ленивое солнце, вокруг меня кружевные пальмы и добрые, немножко пьяные от отдыха и пива люди. Последние, точно как и я, оставив все проблемы в городах, сбежали в этот райский уголок. И пусть мне говорят, что здесь немодно, здесь не Сейшелы... Зато море искрится, дети веселые, минералка холодная, я загорела, а значит, лето живет по своим летним законам, и все абсолютно правильно и хорошо!

Я закрыла глаза, представив себе душную, полную расплавленной пыли и бензиновых испарений Москву, в которой осталась моя любимая – без иронии, любимая! – работа, шеф, тоже иногда любимый, а иногда достающий до печенок, и удовлетворенно вздохнула. Как хорошо, что все это далеко, и хорошо, что я отключила телефон! Было бы смертным грехом нарушить такую идиллию вездичивым брюзжанием моей «Моторолы».

«Эхо Москвы» что-то бормотало в комнате, а я дремала, как обычно, создавая в голове какие-то неясные образы, мысли, картины... Интересно, а что было бы, если бы у нас на работе сейчас случился аврал? Конечно, такое вряд ли возможно, так как все мало-мальски потенциальные клиенты свалили из Москвы так же, как и я, предпочтя зною мегаполиса ласковые волны тех же сейшельских отмелей. Поэтому аврала быть не может. Но все-таки, что бы стал делать Родион Потапович, если бы я ему вдруг понадобилась? Телефон отключен, пейджера у меня отродясь не было, с трудом представляю, как им пользоваться, адреса моего он не знает. Правда, последнее произошло вовсе не из-за моей безответственности. Дело в том, что я, уезжая, оставила ему координаты совсем другого коттеджа, в котором намеревалась жить по приглашению одной моей знакомой. Знакомы мы были всего месяца два, в течение которых встречались раза четыре. Но она отчего-то пригласила меня погостить у нее в домике, который стоял практически на прибрежной полосе. Эта перспектива показалась мне привлекательной, тем более что я и на морском побережье-то была бог знает когда. Но все оказалось не так здорово, как предполагалось вначале.

Когда я приехала в коттедж, выяснилось, что там уже обитают два красных и потных мужика, сразу заулыбавшиеся при моем появлении. Они мне сообщили, что в ближайшее время прибудет еще целая компания приятелей, которых, так же как и меня, пригласила моя знакомая. А я так хотела уединения!.. Деньги для меня не проблема, поэтому я нашла милую одноэтажную халупку с самого края поселка, сняла ее и начала отдыхать в свое полное удовольствие. Хозяйка-старушка целыми днями тусовалась на местном базарчике, продавая инжир и какую-то фруктовую мелочь типа орешков. Родственников у нее, слава богу, не было, так что от неожиданного приезда гостей я была застрахована. Меньше всего мне хотелось делить с кем-то отпуск. Знакомая, которая меня приглашала, целыми днями гульбанила, не щадя здо-

ровья, и моими делами не интересовалась вовсе. Думаю, она и нынешнего адреса моего не знает. Возник вопрос: а зачем она вообще меня пригласила?

Я поразмыслила и решила, что она, видимо, сказала это просто так, не ожидая, что я соглашусь. А потом уже от своих слов было неудобно отказываться. Но в общем, все вышло не так уж и плохо. Ее приглашение послужило тем самым волшебным пинком, которого мне часто не хватает. Так бы когда я еще на море собралась?

В общем, Родион Потапович Шульгин, глава частного сыскного агентства с оригинальным названием «Частный сыск», не сможет найти Якимову Марию Андреевну, то бишь меня, своего лучшего (наверное, потому что единственного) детектива, так как она, эта самая Якимова, зашифровалась, как заправский разведчик.

Я довольно улыбнулась, все еще оставаясь с закрытыми глазами, и чуть не вскрикнула от неожиданности, когда прямо надо мной раздался глуховатый мужской голос:

– Машка, просыпайся! Разулыбалась! И стакан поставь, а то разобьешь.

Стакан немедленно выпал из рук, но, к счастью, не разбился. Хрустально-прозрачная вода, зашипев, сделала на темном деревянном полу некрасивую лужу. Впрочем, она-то скоро просохнет, здесь даже в тени плюс двадцать семь, а вот Родион Потапович, уютно устроившийся в кружевной тени на перилах веранды и мирно лопающий виноград, который в изобилии свисал с зеленых плетей, судя по всему, собирался сидеть тут до скончания века.

– Что? – Я вытаращила глаза, словно увидела призрака. – Как?.. Вы?.. Ничего не понимаю! Вы как здесь оказались?

– Возник из ниоткуда, – сообщил призрак, отщипывая темно-синюю ягодку от небольшой грозди. Положил в рот и немедленно сморщился. – Фу, кислятина! Зелен нынче виноград, как у классика. Только сверху синий, а внутри неспелый.

Он отшвырнул ягоды в траву, к ним тут же подбежали куры, которых держала моя хозяйка. Первым подоспел петух с роскошным хвостом, клюнул находку, неодобрительно мотнул головой и пошел по своим делам, побряхтывая от досады, что зря так торопился. Птица тоже не любила кислый виноград.

– Маша, ну что ты смотришь на меня как на привидение? Я вполне материальный, не волнуйся.

– Как вы меня нашли?

Родион хмыкнул:

– Тоже мне премудрость! Да здесь любого аборигена старше сорока лет спроси, все укажут, что у Петровой на Южной улице живет одинокая москвичка, которая заплатила за две недели проживания в домике столько, сколько обычно платят за весь сезон. Транжирка ты, Машка! Живешь не по средствам. И всегда такой была. Компенсируешь тяжелое детство?

Я не обиделась на подначку. Да, я провела первые шесть лет жизни в детдоме, однако, к счастью, практически их не помню. Дальнейшая моя жизнь не была совсем обычной, однако тяжелой ее назвать было трудно. Но судьба моя сложилась так, что я понятия не имела, каковы в курортных местах расценки на жилье, да и торговаться не хотелось. Главным условием было то, что жить я буду одна и подселать ко мне кого-то не станут. Однако моя физиономия, видимо, все еще сохраняла выражение такого недоумения, что побудила Родиона продолжить свои объяснения:

– Ты же адрес оставила мне, помнишь?

– Помню, но ведь я оттуда уехала. Я могла перебраться вообще в другой поселок или...

– Ну не перебралась же, – логично заметил Родион и закончил бесполезный разговор: – Маша, хватит рассуждать на тему, что было бы, если... Оперировать фактами. Ты мне нужна, я тебя нашел. Собирайся, мы уезжаем.

– В Москву? – недовольно сморщилась я. Надо же, как саму себя сглазила! А вроде глаза не карие. Размечталась – как хорошо, что телефон отключила, как здорово, что все это будет длиться долго-долго, и все в таком духе...

– Нет, – неожиданно ответил Родион. – Здесь неподалеку кемпинг есть, поедem туда.

– Зачем? – подняв стакан, спросила я.

– Во-первых, там Валька с сыном. Ну а то, что во-вторых и в-остальных, я тебе по дороге объясню.

Кемпинг, разбитый прямо на побережье, представлял собой несколько палаток, возле которых тут же стояли машины владельцев. Среди них не было ни одной отечественной марки. Сплошь внедорожники немецких и японских производителей. Да и палатки были не советского типа, а настоящие брезентовые домики с пластиковыми окнами и, наверное, очень комфортабельные внутри. По крайней мере, они так выглядели. Однако приехавшие считали, что они отдыхают «дикарями». Рядом с домиками на траве стояли чайники с подключенными к горелке газовыми баллончиками, однако ни сковородок, ни прочих атрибутов «дикарского» отдыха я не заметила. Зато были бумажные коробки из-под пиццы, стаканчики из «Макдоналдса», и вообще было ясно, что «дикари» предпочитают цивилизованный фаст-фуд даже на отдыхе.

Родион остановил взятый им в аренду джип неподалеку от темно-зеленого домика с желтыми замками и тяжело вздохнул, завидев, как навстречу нам несется шестилетний пацан, с ног до головы перемазанный глиной. В волосах торчало перо, выдранное, должно быть, у какой-нибудь несчастной чайки.

– Папа! Машка! – Шульгин-младший, похоже, ни капли не удивился, увидев меня. – А-а!

Он кинулся в объятия, испачкав мне майку.

– Покрути меня! – потребовал он. – Как космонавта!

– Космонавты обычно более чистые, – заметила я. Но просьбу выполнила. Тапик – сокращенно от Потап – завизжал от восторга.

– Чего ты кричишь? – из домика высунулась встрепанная Валя. Озабоченно нахмуренное лицо тут же осветилось улыбкой при виде меня.

– Нашлась! Здорово, Машуль! Тапка! – строго крикнула она. – Посмотри, на кого ты похож! Машку вон всю извозил!

– Да она такая приехала! – заорал пацан, заговорщически толкая меня в бок.

Но строгий материнский голос сделал свое дело.

– Иди немедленно помойся! – велела Валентина. – Иначе в город не поедешь! Не ребенок, а свинтус, честное слово!

Потап скорчил рожицу, донельзя напомнившую мне ту, что только что появилась на лице Родиона, когда он увидел сына.

Смысл: «Даже на отдыхе ни минуты покоя!» Мальчик крикнул на прощание:

– Машка тоже как свинтус. Значит, она тоже не поедет?

И скрылся за кустами. В темно-зеленых ветках, облепленных мелкими неизвестными мне цветочками, просвечивала нежная гладь моря, усыпанная блестящими солнечными бликами. Потап с визгом и топотом присоединился к шумной компании детворы, которая копошилась у берега, и влетел в воду, вызвав тучу брызг и визга у двух близняшек в панамках. Они строили песчаный замок, а волна, поднятая Потапом, смыла всю постройку до основания.

– Не боишься его одного отпускать? – спросила я у Вали. – Ведь все-таки только шесть лет...

Валя устало махнула рукой:

– Тут у каждой семьи дети. Причем у нас-то хоть один, а у них по два, по три постреленка. Когда мы сюда ехали, нам специально посоветовали именно этот кемпинг. Если безум-

ные родители, вроде нас, решаются взять детей с собой на отдых, им лучше ехать в такие же кемпинги, где тоже полно детей.

– Чем же лучше? – Я рассеянно разглядывала свою майку, прикидывая, смогу ли я ее отстирать. Потап измазал меня чем-то настолько таинственным, что эта субстанция даже не пахла, но липучестью обладала отменной.

– Во-первых, компания для малышей. Им не так скучно. Хотя у Потапа сейчас такой возраст, что ему нигде скучно не будет. Во-вторых, устанавливается дежурство. Сегодня, слава богу, не моя очередь. Кто-то из взрослых следит за детворой, пока она бултыхается. К тому же мы там на отмени огородили сеткой место, где дети будут в безопасности. Мелко, и вода теплая. Не представляю, что бы было, если бы мне пришлось целыми сутками быть привязанной к Потапу. И мне никакого отдыха, и ему доука.

– Понятно, – сказала я и поинтересовалась: – А где и чем ты стираешь?

– Нигде, – ответила подруга.

– То есть? – опешила я. – Вообще?

– Вообще. Одежды здесь не так много нужно. Целый день ходишь в купальнике, а его и без порошка, сама знаешь, можно стирать, просто ополоснуть пресной водой, и все. А твою майку надо либо в химчистку отдавать, либо оставить до лучших времен. Здесь не принято стирать в общепринятом смысле, так как мыльная порошковая вода тебе же первой испортит отдых. Грязная одежда много места не займет. Вернемся, постираем. А чем ты так измазалась?

– Тапка дружески обнял, – объяснила я. – А что это, понятия не имею.

Я переоделась в чистую рубашку, завязав ее узлом на животе, надела шорты, и сунула грязную вещь в пакет. Жаль, это была моя любимая маечка – ярко-оранжевая, с подсолнухом на груди и надписью: «No pasaran». Я скомкала пакет, засовывая его в рюкзак. Экологичность поселенцев вызвала во мне приятное удивление. Не ожидала я от наших «дикарей» такой заботы о природе. Когда я вышла из домика, то увидела, как Валя снова тащит ненаглядное чадо к воде, чтобы как следует отмыть его на этот раз от песка. Чадо фыркало, визжало и брызгалось, пока Валентина не шлепнула его по заднице. После этого Потап покорно дал себя вымыть и вытереть. От меня не укрылась тоска в его взоре, когда он глянул на бесившуюся в воде детвору.

Но мама и папа настойчиво впихнули свежевымытое дитя в джип, я села на переднее сиденье, рядом с Родионом, после чего мы все отправились в город.

– Так что же вы хотели рассказать? – спросила я, когда мы выехали с проселочных дорог на ровную трассу.

– Недовольна, что тебя из отпуска выдернули? – хмыкнул Родион.

– Да что вы! – возразила я. – Очень рада. Служу родному отечеству, всегда готов и... Какие там еще лозунги в этом духе? Разве же мне может понравиться отдыхать? Я отвыкла уже, за три года безотпускной работы...

– Не ерничай, Мария! – ухмыльнулся Родион. Меня эта его непонятная улыбочка стала порядком раздражать. – Дело, за которое ты возьмешься, не совсем обычное! А деньги, которые мы за него получим, вообще вдохновят тебя на такое!..

– Вы сказали, что возьмусь я! – тут же перебила я. – А деньги получим мы. Что это значит? Мы же до этого всегда работали вместе! Вы не будете со мной работать над этим делом?

Родион надел солнцезащитные очки и вздохнул:

– Почуяла несправедливость и раскричалась. Хоть бы выслушала!

– Внимательно.

– Ну вот, так-то лучше. – Родион театрально откашлялся и начал: – Я знаю, Маша, что ты не следишь за новинками в литературном мире и тем более не смотришь церемонии награждений, однако обычные, девятичасовые новости ты хотя бы проглядываешь? Ну хоть одним глазом?

– Новости? – я почувствовала себя школьницей, которая не выучила урок. – Ну, в общем, да...

– Ну да!.. – передразнил Родион Потапович. – Чувствуется уверенность в голосе и знание предмета. Ну да ладно, в конце концов, ты на отдыхе, так что тебе простительно. Так вот, неделю назад состоялось вручение литературной премии «Серебряная ветвь», которой отмечаются наши российские книги, вышедшие на рынок в этом году. Критерии – рейтинг продаж плюс художественная оценка книги кем-нибудь из жюри. А в жюри, как правило, сидят маститые писатели разных жанров. Денежный эквивалент премии небольшой, всего десять тысяч долларов, однако лауреаты «Серебряной ветви» на хорошем счету в литературном мире. Там не принимают халтуру, только хорошие книжки.

Я терпеливо ждала, по опыту зная, что шеф все это рассказывает не просто так. Сейчас он скажет: «К чему я это говорил?» – и закончит свою речь неожиданным выводом.

– К чему я это говорил? – спросил Родион, покосившись на меня. – К тому, что главная лауреатка, получившая «Серебряную ветвь» за повесть «Движение ветра», потерялась, и вот уже неделя, как от нее ни слуху, ни духу. Первым всполошился, понятное дело, литературный агент, однако найти ее не сумел.

– Как может потеряться лауреатка? – спросила я. – Премию вручали ей лично?

– В том-то и дело, что нет, – выразительно посмотрел на меня Родион. – Вместо Ольги Заречной статуэтку и чек получал ее литературный агент, Морозов Алексей Петрович, наш заказчик. Отмазался на церемонии, что, дескать, семейные обстоятельства не отпустили Ольгу в Москву на вручение первой в ее жизни премии, и все в таком духе. Спустили на тормозах. Тем более что это даже сыграло на руку книге – дополнительная реклама. Но дело ведь не только в премии – дело в том, что по книге собираются снимать фильм. Заречная срочно нужна в Москве, сама понимаешь. Во-первых, для того, чтобы передать авторские права на вещь кинокомпании, во-вторых, сценарий также будет делать она сама. Морозову с этого пойдут приличные проценты, так что ему – кровь из носа, но надо найти Заречную к следующему понедельнику! Ко мне он обратился по старой дружбе, есть за мной должок один...

– Сегодня понедельник, – пробормотала я.

– Именно. У нас неделя. Как хотим, но найти девчонку надо.

– А что, Ольгу Заречную действительно не отпустили семейные обстоятельства? – поинтересовалась я.

– Да нет, – махнул рукой Родион. – Ей двадцать один год. Понятное дело, любовь-морковь и развлечения у нее на первом месте. В общем, не дозвонившись до девушки, Морозов отправил в Саратов, где живет наша пропавшая, курьера, чтобы тот привез девушку в Москву. Но девушки дома не оказалось. Как выяснилось, родители практически не в курсе дел дочери, тем более ее личной жизни. Ольга сообщила им, что уезжает на несколько дней отдохнуть со своим молодым человеком в компании друзей, а куда, надолго ли, точно не сказала. И вся фишка в том, что телефон ее как умер. Никто не мог дозвониться! Где она, с кем она, что с ней – никто ничего не знает.

– Странно, – подала голос Валентина, задремавшая было на заднем сиденье. – Я вот своей матери все рассказываю. У нас всегда были очень доверительные отношения. Молодежь совершенно ненормальная пошла!

Валя сказала это таким тоном, словно сама была уже умудренной опытом старухой, а не молодой двадцативосьмилетней женщиной.

– Почему же ненормальная? Эта писательница, можно сказать, взрослый самостоятельный человек, вполне отвечает за свои поступки, – из чувства противоречия возразила я. – И возраст, на мой взгляд, тут совершенно ни при чем. Если уж она умудрилась написать книжку, которую так высоко оценили в том мире, где, как вы говорите, халтуру не берут, то она по определению должна бы иметь сложившееся мировоззрение и какие-то убеждения. Мы же не

знаем, какова обстановка в ее семье и какой у девушки характер, так что выводы делать рано, я думаю. Кстати, о чем книжка-то?

– Валя, дай Машке мою сумку, – сказал Родион. – Там, в мягкой обложке...

Я взяла в руки покетбук нежно-голубого цвета, на котором сверху было вытиснено серебряными буквами: «Ольга Заречная», а внизу обложки такими же буквами, только чуть крупнее – «Движение ветра». Рисунков и прочих привлекающих взгляд завитушек не было. От внешнего вида книжки оставалось впечатление скромности и элегантности. Впрочем, чего-то, какой-то детали, в обложке не хватало, но именно это и цепляло в ней. Я представила себе эту книгу на лотке, где обычно соседствуют классики в недорогом исполнении и яркие, аляповатые томики расплодившихся в последнее время женских детективов и любовных романов. Эта книжка и какое-нибудь «Кровавое убийство» рядом. Глаз у читателя устает, поэтому он невольно останавливается на спокойном цветовом пятне. Берет в руки, листает. Если книжка хорошая, то восемь к двум, что покупатель возьмет именно ее. Я решила, что идея сделать обложку однотонной была совсем неплохой и продуманной.

– Дизайн ее собственный, как мне сказал Морозов. Она настояла на этом, хотя обычно оформительские идеи большинства начинающих авторов отменяются на корню.

– Почему же ее приняли?

Шульгин неопределенно пожал плечами:

– Да ты полистай, все равно ехать еще час. Полезно ознакомиться с внутренним миром, так сказать...

За стеклом джипа мелькали южные пейзажи, мы проезжали густые темно-зеленые заросли, потом вдруг неожиданно оказывались на абсолютно открытом пространстве выжженной земли, это дорога делала петлю и выводила нас на побережье, а я все читала книгу. Пролистала я ее быстро, объем был небольшим. Так, повестушка. Если честно, я не любитель книг. Читаю крайне редко, только в силу профессиональной необходимости, да и то в основном протоколы с мест происшествий. Необходимость сейчас была самая что ни на есть профессиональная, однако, закрыв последнюю страницу, я поймала себя на мысли, что мне хочется купить для себя эту книгу. И перечитать ее уже в спокойной обстановке. Хотя книжка была не детективом, а чем-то средним между любовным романом, философской притчей и еще не поймешь чем. Намешано всего, но интересно.

– У вас есть еще один экземпляр? – спросила я, оторвавшись от книги.

Родион расхохотался:

– Зацепило? Вот-вот! Уж я на что циник, так и то с удовольствием прочитаю ее еще раз. Талант! И этот талант нам надо найти! Правда, живет этот талант в Саратовской области, ну что ж поделаешь? Придется тебе, Маша, туда отправиться. Жаль, конечно, что побеседовать с тобой не успели толком, но что ласы точить? Все, что мне известно, я изложил в письменном виде, папка в пакете. Прочтешь по дороге. Мы всегда будем на связи, я тебе перезвоню.

Шеф припарковался, и только тут я поняла, что мы прибыли на железнодорожный вокзал.

Родион лично и очень спешно проводил меня до поезда, до отправления которого оставалось всего пять минут. Он сунул в руки мой огромный (зато, кроме него, больше баулов не требуется!) рюкзак, дешевый матерчатый кошелек, шепнув, что там находится пластиковая «Виза», наличка на мелкие расходы и билет в купейный вагон до Саратова. Последним даром его был пакет из тандеровского супермаркета, внутри которого угадывалась папка формата А4, бутылка минеральной воды, несколько яблок и что-то аппетитно-продолговатое, размером с хорошую ферганскую дыню, упакованное в еще один пакет.

Я обрадовалась:

– Курица?

– Ну да. А то с голодухи умрешь, не хватало еще!

Родион по-отечески чмокнул меня в щеку, сунул в руки книжку и помахал на прощание пухлой загорелой ладонью. Вот так, совершенно неожиданно для себя, я всего за три часа оказалась в поезде с малопонятным заданием, полным сумбуром в голове, курицей-гриль в пакете и книжкой пропавшей молоденькой писательницы. И что мне со всем этим делать? «Первым делом съем курицу, – решила я. – Нельзя хорошо работать, если плохо поел. Кажется, это Вирджиния Вульф сказала. Умная была женщина. За всеми этими переездами я совершенно забыла перекусить. А уж потом полистаю дело, которое мне дал шеф. Авось какие-то наметки появятся».

...Вторник.

Перрон саратовского вокзала встретил меня зноем, запахом пыли и цыганским гомоном разноцветной семьи, которая сидела с сумками прямо на бетоне, прячась в крохотной тени козырька здания. Съеденная за ночь курица недовольно булькнула у меня в желудке, протестуя против безумной температуры, от которой, казалось, начали плавиться волосы. На море гораздо прохладнее и приятнее. Я с досады купила у цыган соломенную шляпу и натянула ее на взмокшие волосы. Господи, я надеюсь, ты предусмотрел в этом городе общественные бани? Желательно с бассейном и... Ох нет, работа, работа!

Пройдя сквозь шумное нутро вокзала, я вышла на привокзальную площадь, посреди которой в скверике с елями стоял Дзержинский. То есть, конечно, не сам Дзержинский стоял, а памятник ему. По сравнению с московскими вокзалами, возле одного из которых находится наш офис, народу на площади толклось не очень много, но вот транспорта здесь было явно в переизбытке. Лично я сразу запуталась, на какой из них мне нужно садиться. Останавливались автобусы где придется, народ бросался на них, словно на штурм Бастилии, так что вскоре у меня, отвыкшей от загазованности улиц, моментально заболела голова от паров бензина и гула голосов. «Ну разве так можно, – с тоской попеняла я Родиону, – с грядки да сразу в суп!»

Родители литературного самородка жили даже не в самом Саратове, а в небольшом городке близ него. Кажется, Энгельс называется. Судя по карте, в Саратовской области был еще и Маркс, в общем, «полное собрание сочинений» классиков коммунистической теории.

Самым живописным из всех дорожных впечатлений был проезд по автодорожному мосту через Волгу. Я от души позавидовала тем, кто плескался в волжской воде. Пляж располагался на острове, который назывался, если верить карте, Покровские пески. Слава богу, мне досталось сидячее место, так как по ходу автобус набился до такой степени, что меня окружали лишь мокрые потные лица, несмотря на открытые форточки. Я собиралась с мыслями перед разговором с родителями упорхнувшей писательницы.

Итак, известно о ней не очень много. Ольга Алексеевна Заречная, двадцати одного года от рождения, родилась, росла и жила все это время в уже упомянутом Энгельсе. Морозов, литературный агент, рвущий на себе волосы от досады, не смог сообщить Родиону ничего путного, кроме номера телефона, который отвечал мертвым молчанием на все попытки дозвониться до абонента. Аппарат вызываемого отключен, и все тут! Хоть лопни! Шульгин успокоил разнервничавшегося менеджера стопочкой коньяка и вскоре донес до сознания агента тот простой факт, что на повесть «Движение ветра» должен был заключаться договор, передающий право публикации в издательство «ЛИСТ». А в конце любого договора непременно указываются реквизиты обеих сторон, заключающих договор. Так что адрес, даже с почтовым индексом, у меня тоже был. Где находится улица Космонавтов, я понятия не имела, но не это главное. Беспокоило меня другое: недостаток информации. Того, что я знала, было слишком мало! Впрочем, кое-какие выводы о характере пропавшей я сделала, прочитав книгу. Все-таки писатели полагаются не столько на фантазию, сколько на жизненный опыт. А значит, уже известно, что семья ее скорее бедная, нежели среднего достатка. По крайней мере, домашнего телефона

у Заречных не было, что очень затрудняло задачу. Наличие компьютера выводилось логически, так как шедевр был послан в электронном виде. Интернет-адрес у девушки также был, с которого она, собственно говоря, и отправила творение в Москву на рассмотрение издательства. Однако все письма, отправляемые ей лично из Москвы, остались без ответа.

Я не думала, что здесь есть какой-то криминал. Мало ли что взбрело в голову двадцатилетней девчонке, у которой немножко сдвинута крыша на понятии свободы? Творческий загул, бывает и не такое. А мертвое молчание телефона объяснялось, на мой взгляд, очень просто: девочка оказалась в таком месте, где просто-напросто нет источников энергии, то бишь электричества, севшую батарею негде зарядить. Однако задание есть задание, а потому девчонку надо искать, хоть бы она и на Северный полюс забралась. Хотя на деле наверняка все окажется гораздо прозаичнее – тусуется где-нибудь на даче у приятеля.

Кстати, надо бы разузнать о ее молодом человеке. Том самом, с которым, если верить скудной информации, оказавшейся у меня в руках, Заречная отправилась отдыхать неведомо куда. Надеюсь, родители девушки в курсе, как зовут этого Ромео? Меня удивляло то, что родители до сих пор не подали заявление в милицию о пропаже дочери. Это говорит либо о том, что все действительно не так страшно и девчонка вскоре найдется, либо же о том, что родителей абсолютно не волнует судьба единственного чада. Кстати, а оно единственное?..

Дом номер пятнадцать на улице Космонавтов оказался обычной хрущевкой, где в подъездах даже не было домофонов. Я постучала в крашенную рыжей краской дверь на первом этаже и сдунула мокрую челку. Мечтала я только о холодном душе.

Дверь довольно долго не открывали. Я постучала настойчивее, вкладывая в стук все свое нетерпение. Дверь открылась резко и неожиданно. Я взглянула в проход и обомлела – прямо в лицо мне целился негр, крепко держа ружье мозолистыми руками.

– Умри, позор своего рода! – чистым русским языком прошипел он, страшно закатывая белки глаз. Черное дуло смотрело мне прямо в глаза.

...Здесь позволю себе некоторое отступление и расскажу одну историю. Давным-давно, где-то в середине восьмидесятых годов, в одном советском детдоме появился невысокий узкоглазый желтолицый человек. Приехал он из Страны восходящего солнца. Приехал не за приключениями, а в силу того, что его не поняли. Человек этот искал смысл жизни и однажды даже нашел его. Основал свою школу, где проповедовал новое мироощущение. Последователей было много, что очень не понравилось властям того японского городка, где жил человек. Дело в том, что, помимо мироощущений, сэнсэй также учил людей искусству боя. А поскольку он в совершенстве владел всевозможными, даже очень древними, приемами разных видов борьбы, то можно представить, в какие боевые единицы мог превратить он неопытных подростков.

Поэтому его выгнали из Японии, и он очень быстро перебрался в соседний Советский Союз, где его приняли благожелательно и мирно. Наверное, потому, решил он, что никто ничего не знает. Он пытался объяснять, кто он такой и в чем проблема, но его никто не слушал. Только подливали странного вкуса сакэ, называемое «водкой», и дружески хлопали по плечу. Мало ли что лопочет по-своему маленький узкоглазый человечек! А человечек между тем по-прежнему стремился передать свои знания кому-то, кто сможет спасти человечество. Он знал, что однажды придет момент, когда на Землю вернется Зло. И Злу должны противостоять шесть воинов, одним из которых будет девушка. Только так станет возможным спасти людей от мировой катастрофы. Но наученный горьким опытом Акира – так звали воина – решил более не предавать дело огласке, а попросту устроился работать в один из советских детских домов, присматривая себе будущих учеников.

Так у него появились будущие Медведь, Ягуар, Леопард, Волк и я, Пантера. Спросите, зачем такая мистификация и странные прозвища? А вот зачем. На заре цивилизации, когда

люди еще бегали в звериных шкурах, ели полусырое мясо, а вопрос о половой дискриминации решался тасканием за волосы, именно тогда люди были очень близки к природе. У каждого племени был свой тотем, обычно какое-то сильное животное. Как правило, тотем выбирался из тех животных, которые населяли леса рядом с местом обитания племени. Вряд ли, как мне кажется, будущие чукчи выбрали бы себе в тотем страуса, а аборигены будущей Австралии не стали бы поклоняться белому медведю. Подобное поклонялось подобному.

Видимо, мои предки жили в джунглях, где водились дикие кошки, поскольку во мне Акира выловил пантеру. Суть его учения сводилась к тому, что в наших генах осталась память о качествах тотемных животных. Если на протяжении нескольких веков молиться шкуре пантеры, знать все ее повадки, подражать ей, то волей-неволей это войдет в образ жизни. Таким образом, Акира сделал вывод, что нужно просто разбудить память тела. После каждой тренировки оставалось море синяков, но, как ни странно, тело вспомнило то, чего хотел Акира. Наши мозги были совершенно чистыми, детскими и неопытными. После мытарств по советским приемникам, шебаршащие и поначалу малопонятные слова доброго узкоглазого дядечки мы воспринимали как должное. И тренировались, тренировались, тренировались...

Вскоре ум, душа и тело вошли наконец в гармонию. Мы вступили в пору совершеннолетия. И тут Акира вдруг почувствовал, что Зло близко. Через два дня наступил тот самый памятный августовский день девяносто первого года. На площадь к Белому дому был послан Медведь, чтобы защитить народ своим умением. Не знаю, защитил он кого-нибудь или нет, однако более в нашу квартирку Медведь не вернулся. Как я потом узнала, парень, которого я привыкла считать своим братом, действительно принял бронетранспортеры за воплощение Зла и применил к ним свои ошеломляющие способности. Его арестовали, но им же заинтересовались и спецслужбы. В общем, после промывания мозгов из Медведя получился великолепный спецгент, а Акиру приняли за помешанного и объявили в розыск.

Мы ничего этого не знали, только однажды Акира пришел и сообщил нам, что по долгу чести мы все должны сделать сэппуку, так как Зло неодолимо. Волк, Ягуар и Леопард повиновались, но не я. Ну не смогла я выполнить долг чести! Не буду пересказывать всего того, что мне пришлось открыть для себя, когда я наконец вышла из квартирki, в которой мое тело натренировали до состояния боевой машины, но скажу только, что это мое умение мне очень пригодилось. Вскоре я уже работала вместе с Шульгиным, пестуя недавно родившееся детективное агентство «Частный сыск».

...Черное дуло смотрело мне прямо в глаза.

Не успев даже моргнуть, я уже была внизу лестницы, состоявшей всего из шести ступеней. Рефлексы, когда-то пробужденные во мне сэнсэем Акирой, не подвели и в этот раз. Даже разморенная жарой и утомленная долгой дорогой, я молниеносно среагировала на опасность и попросту слиняла.

На улице никого не было, даже мальчишек, которым обычно любая жара нипочем. Я завернула за угол и остановилась, размышляя, что делать дальше. Поначалу я думала, что разговор пройдет гладко и без эксцессов. Ну, будут там слезы матери, вздохи отца, валерьянка и все такое... Но зачем же ружье-то? За что в меня стрелять? Что там сказал этот странный тип африканской наружности? Что я позор своего рода? Вот уж глупость – я детдомовское дитя! Хотя Акира и создал нам семью, но ее больше нет, все оставили этот бранный мир... Почти все. Медведь где-то остался. Но он, по моим сведениям, сейчас находится на ответственном задании в Амстердаме. Что-то связанное с наркотиками, которые идут к нам оттуда.

Я переминалась с ноги на ногу, глядя на чахлый кустик сирени, росший возле тротуарчика, и совершенно не знала, что делать. Внезапно окно слева от меня распахнулось, и мне под ноги упал цветочный горшок. Несчастное растение размером, наверное, с куст пиона, распласталось на горячем асфальте лопатистыми зелеными листьями. Представляю, что бы было,

если бы в этот момент я стояла под окном. Пантера пионоцветная, вид обыкновенный, особь разгневанная... Вслед за цветком наружу высунулась голова того самого негра. Он сказал: «Ой, уронил» – и испуганно воззрился на меня, не говоря более ни слова. Ну надо же, оказывается, он еще и усатый! А глаза почему синие? Я потеряла всякое терпение.

– Вы что, с ума сошли? – закричала я. Тип молчал, периодически открывая рот, но не произнося не звука. – Вы что цветками швыряетесь? Я сейчас милицию вызову!

– Нэ надо милицию! – тут же ожил африканец, говоря уже отчего-то с кавказским акцентом. – Нэ надо милицию, милий дэвушк! Вы все ни так понял!

– Уж конечно. Где уж мне, позору своего рода, все понять...

Усатый негр со славянскими глазами и грузинским акцентом расплылся в умильной улыбке, однако она тут же испарилась, когда я швырнула в него комом земли вместе с цветком. Попала прямо в темечко. Мужчина странно охнул и исчез в недрах комнаты.

Я сразу же вернулась в подъезд и одним прыжком оказалась возле двери. Так, только не давать ему опомниться. Дверь оказалась не запертой...

– Ну и зачем вы это сделали? – почти ласково спросила я, когда странный мужик, встречающий гостей прицелом из ружья, наконец пришел в себя. Оказалось, что к корням и земле прилип изрядный кусок тяжелой керамики, захвативший негру прямо в висок. Чудо, что жив остался. В следующий раз надо бы поосторожнее с собственными реакциями, а то убью кого-нибудь ненароком...

Пока тип был без сознания, я его на всякий случай связала найденным тут же поясом от восточного халата, и сбегала за льдом. Льда в ободранном холодильнике «Снег» не оказалось, зато был здоровенный булжчик замороженного мяса, которым незадачливый хозяин сейчас и лечил свою больную голову. Руки я ему развязала, когда убедилась, что он более не представляет для меня опасности.

– Сделал что? – простонал мужик, в котором я, несмотря на негроидную наружность и странные диалектические вариации, опознала Заречного Алексея Владимировича. На свою фотографию в паспорте, который лежал на полке, он был не очень похож, наверное, потому, что был загримирован. Но, вероятно, это к лучшему. На фотографии Заречный получился какой-то блеклый, невыразительный, несмотря на правильные черты лица. А в жизни этот мужчина был гораздо привлекательнее в том смысле, что красок в его лице было больше.

Только посмотреть на этот насыщенный, правда теперь несколько пятнистый, цвет лица, напоминающий сильный загар! На блестящую лысину, яркие синие глаза и усы! Но вот руки мужик не успел загримировать, они были обычными белыми руками, только внутренняя сторона ладоней была темно-коричневого цвета. Насколько я знаю, у негров должно быть наоборот – тыльная сторона руки темная, а внутренняя светлая. Все это навело меня на мысль, что Заречный, видимо, для какой-то цели решил нарядиться негром. И халат тут же валялся на диване вместе с расшитыми туфлями с загнутыми носками, подтверждая мою догадку.

– Вы артист? – спросила я.

Заречный тоскливо покосился на меня.

– Артист, – со стоном согласился он. – Артист, его бога душу мать! Девушка, у меня же выступление через три часа, как я с таким шишаком покажусь? Да и в башке звенит, как будто бухал три дня кряду... За что так сильно-то?

– Переживете, – недовольно сказала я. – Кстати, приятно познакомиться, я частный детектив, приехала из Москвы, чтобы...

– О! – вскрикнул мужик, вытаращивая ярко-голубые глаза. Я поперхнулась и забыла конец фразы.

– Отлично! – радостно завопил он, отшвыривая мясо на диван и вскакивая на ноги. – Частный детектив – это то, что надо! Итак, смотрите!

Он накинул висевший на спинке стула клетчатый плащ, кепку и сунул в рот черную трубку. Нахмурился. Потом принял серьезный вид, затем стал изображать, как будто играет на скрипке. И все это сопровождалось дикими радостными вращениями глаз, которые сияли не хуже театральных софитов.

– Ну? – после всех этих нелепых телодвижений спросил он.

– Что – ну? – чувствуя себя как в детском саду, переспросила я.

Негр закатил голубые глаза под потрескавшийся потолок, сдвинул кепку на бритый затылок и вынул трубку изо рта.

– Похоже?

– На кого?

– На кого? – он укоризненно потряс трубкой. – Она спрашивает, на кого! На деда Фрола моего!

– Я не видела ваших родственников, – начала я, но этот чудик не дал мне продолжить:

– Господи, при чем тут мои родственники?

– Но вы же сами сказали!

– Ничего я не говорил, я, наоборот, спрашивал! Похоже ли на Шерлока Холмса или нет?

– Шерлок был белый, – решив не спорить с безумцем, ответила я.

– Вы расистка? – последовал немедленный ответ.

– А вы чокнутый! – не осталась в долгу я. – Я к вам по серьезному делу приехала, мне с вами нужно побеседовать, – я сделала суровое гэбэшное лицо, – а вы какой-то балаган устраиваете! Мне плевать, пусть ваш Шерлок будет хоть инопланетянином, а негр говорит с рязанским акцентом...

– Рязанский? – озадаченно спросил мужик и подвигал губами, произнося О, А, У. – Ы! – закончил он. – Умри, позор своего рода! Нет, не так. Горло пересохло, пойду воды выпью. Позор своего... Умри!

Он зачем-то схватил старый радиоприемник, стоявший на полке. Иконки, которые были прислонены к приемнику, посыпались. Святой Николай мученически возвел глаза, посмотрев на меня. Странный мужик удалился на кухню.

Я устало вздохнула. Нет, с ним я не договарюсь. Я встречала шестнадцатилетних старичков, которые все про всех знают и уже устали жить, но пятидесятилетних сорванцов пока нет. Неудивительно, что дочь его исчезла, я бы от такого папаши сама сбежала. Зато понятно, в кого Заречная такая оригиналка уродилась. Я села на диван, прямо на халат. Бульжник мяса стал постепенно оттаивать, отчего на покрывале начало расплываться мокрое пятно.

– Эй, Шерлок, мясо надо в морозилку положить! – крикнула я, держа тяжеленный кусок в руках над линолеумом. В этой квартире все было вверх дном. Палас свернут и поставлен в угол. Царил дикий беспорядок.

– Мяу! – очень правдоподобно ответил мужик.

О господи, он издевается? Пусть Шерлок будет негром, пусть негр говорит, как Есенин, но мяукать ему в любой интерпретации не положено.

– Не смешно! Я говорю, мясо тает!

– Мяу! – согласился мужик.

Я разъяренно влетела на кухню и остолбенела. Кухня была пуста. Мало того, окно было открыто, а хозяин дома преспокойно вылез через него во двор и теперь курил с каким-то бородачом, держащим в руке метлу. Под мышкой был зажат приемник. Черно-белый кот, завидев меня, завертелся и замаякал пуще прежнего. Я нашла взглядом его миску и увидела, что та полна кошачьего корма.

– Фиг тебе! – строго сказала я. – Мясо для того и создано, чтобы в холодильнике лежать! Или дурные головы охлаждать...

Кот разочарованно мяукнул, поточил когти о пол, прыгнул на подоконник и присоединился к хозяину, преспокойно усевшись тому на клетчатое плечо и нагло повернувшись ко мне спиной. Невоспитанное животное, впрочем, как и хозяин. Я вернулась в комнату, которая была здесь единственной и не такой уж большой по метражу. Я привыкла к гораздо большим площадям и более высоким потолкам. Как же люди годами живут в таких бараках? А ведь хрущевки строились как временное жилье. Я рассеянно оглядывала комнату, сама не зная, что ожидала увидеть. После общения с хозяином у меня, признаться, слегка крыша поехала. Возле дивана на полу стояла бутылка минеральной воды, полная прозрачных пузырьков. Я сделала глоток. Вода оказалась приятно холодной. Я приложила бутылку к голове и подошла к стенке, которая представляла собой нагромождение ящиков, полок, в том числе стеклянных, прибитых к стене в каком-то безумно-хаотичном порядке.

Говорят, что внешний вид квартиры отражает суть характера хозяина. Но, боюсь, даже опытный психолог оказался бы в затруднении, посетив квартиру Заречных. Или отделался бы легким испугом и емкой формулировкой, подходящей на все случаи жизни, – сказал бы, что в этой квартире живет ну оч-чень творческий человек, и сбежал бы отсюда. Для сохранения собственного психического здоровья.

Помимо всевозможных костюмов и разных экзотического вида тряпок, валявшихся тут в беспорядке, полки были полны разнокалиберных книг, вазочек – от псевдобарокко с аляповатыми розочками до минималистских цилиндрических стаканов синего цвета – и прочей дребедени. В этой квартире в каждом углу висела «музыка ветра» – этикие полые металлические трубочки, которые ударяются друг о друга при движении воздуха и при соприкосновении издают приятный мелодичный звук. Правда, сейчас был полный штиль, а потому они молчали. На стене к старому ковру были прикреплены ножны, в которых томилась длиннющая сабля, похожая на самурайский меч. На телевизоре лежал пневматический пистолет, который, как я выяснила, был заряжен. Из толстого фотоальбома выглядывали края старых советских купюр, зато сами фотографии лежали аккуратной стопочкой возле альбома. Телевизора не было. Наконец среди всего этого хлама отыскался и компьютер!

Я вытащила ноутбук «Самсунг» черного цвета из-под красной бархатной подушки, облепленной кошачьей шерстью, и включила его. Разрешения хозяина я спрашивать не стала, ему все равно по барабану, что тут делает неизвестная баба. Экран сразу же засветился мягким голубым цветом, «Windows XP» сообщил, что готов к работе, звуковым переливом. Слава богу, что здесь не стоит пароль на включение компьютера! Я рылась в файлах, пока наконец случайно не наткнулась на текстовый документ с многозначительным названием «Дневник». Весил он порядочно – около мегабайта. Я быстро скачала файл на диск, который предусмотрено был вложен в шульгинскую папку, данную мне в дорогу, и выключила компьютер.

Надо всему вернуть тот вид, который был до меня, решила я – и принялась засовывать ноутбук под подушку, как вдруг сзади меня раздался металлический женский голос:

– Что вы тут делаете? Немедленно поставьте к-компьютер на м-место!

Очень мило. Вот и маменька семейства пожаловала. Надеюсь, у нее хоть сколько-нибудь есть здравого смысла? Странно, что я не услышала, как она подходила, плохой признак. Я обернулась и как можно приветливее поздоровалась.

– Вы не волнуйтесь, я не воровка, – глядя в очки, заверила я. – Я частный детектив, вот моя карточка. А компьютер... просто упал. Да, он просто упал.

Я сразу же протянула свое лицензионное удостоверение невысокой женщине, стоявшей перед мной. В очках, с короткой стрижкой на густых русых волосах, немного сутулая и чуточку располневшая, она была похожа на тысячи женщин, живущих в городах и городках России. Я напрягла память, вспоминая ее имя, – Заречная Нина Александровна. Лицо молоджавое, за руками следит. Ногти не красит. Кольца не носит, что странно. Но в общем ничего необычного нет.

– Упал, г-говорите? – Женщина немного заикалась. – Это Барсик, должно быть, н-на подушке своей сидел и п-прыгнул, к-когда п-побежал меня встречать. Вот к-компьютер и свалился со стула.

Кот и в самом деле ластился к ногам хозяйки, мурлыча ей что-то и обиженно посматривая на меня зелено-желтыми глазами. «Не простит, что я его не покормила», – подумалось мне.

– Да, так и было, – свалила я на бедняжку всю вину. – Из-за подушки не видно, что под ней, а то бы я не позволила ему садиться на стул. А почему вы ноутбук на стуле держите?

Женщина устало взяла из-под подушки черный чемоданчик с кнопками и водрузила его на одну из полок. Теперь понятно, почему она сразу мне такой пустой показалась.

– Разве ж это я д-держу? Это в-вы у мужа спрашивайте, он т-тут т-три д-дня хозяйничал. Хотя сейчас он должен быть в театре, на репетиции.

Мужа, однако, поблизости не наблюдалось. Я выглянула в окно: возле подъезда уже никто не стоял. Видимо, улетели в театр на шабаш с тем мужиком на метле. Я вкратце объяснила хозяйке цель своего приезда. Мать Заречной опустилась на диван и сняла очки. Только теперь я поняла, что женщина, видимо, последние дни только и делала, что нервничала. Глаза были красными, воспалившимися от слез и недосыпа.

– К-к родственникам ездила в д-деревню, – пояснила она. – Д-добиралась д-долго. Ольга сказала, что п-поедет в район П-поливановки, так я д-думала, что, может, она к-к моему б-брату заехала?

– Ну и?.. – с надеждой спросила я.

Нина Александровна отрицательно покачала головой.

– Нету. Дом пуст, брат теперь у матери живет. А я не знала, у нас с ним немного напряженные отношения. Редко общаемся. В общем, дочь моя как сквозь землю провалилась.

В руках Заречной мелькнул платочек, однако бурных слез не последовало. Хозяйка и жена актера бесшумно высморкалась и предложила мне пройти на кухню, выпить чаю. Хотя прежде ей пришлось заняться уборкой. Я по мере возможности ей помогала, одновременно собирая информацию, разглядывая окружающие меня предметы. Семья сейчас испытывала финансовые трудности, но раньше явно жила в достатке. Впрочем, семьи, в которых есть хоть один творческий человек, подобный Заречному, вряд ли умудрятся сохранить хотя бы один предмет в целостности и сохранности дольше часа. Все чашки были так или иначе поколоты, кастрюли радовали глаз своим разнообразием, я не встретила ни одной пары одинаковых суповых тарелок. Живущих в этой квартире кидало из крайности в крайность со страшной силой. Достаточно сказать, что полкухни было покрашено в белый цвет, а оставшаяся часть оклеена обоями с дельфинами. То ли денег не хватило, то ли такое оригинальное дизайнерское решение, кто знает...

Когда мы наконец уселись за отдраенный стол, я получила в руки чашку с отбитой ручкой, полную ароматного янтарного чая с лимоном, свежее печенье и вазочку меда. Чувствуя, как желудок радуется еде и жизни, я закидывала гостеприимную хозяйку вопросами, касающимися ее дочери, чтобы составить портрет той, кого я ищу. Картина выглядела следующим образом. Дочь с раннего детства подавала большие надежды и вообще была незаурядным ребенком. Правда, она все никак не могла найти применение своим многочисленным талантам. Способность к рисованию привела ее в художественную школу, откуда дитя очень быстро сбежало, заявив, что там скучно. Танцкласс занял девочку буквально на год. Потом следовали музыкальная школа по разным классам, периодически бросаемая, туристическая секция, секция бокса...

– Бокса? – переспросила я.

– Б-бокс, б-байдарки, на б-балет мы тоже ходили, к-кино увлекались, музыка, само собой. «Ветер п-перемен» знаете?

– «Скорпионз»?

– Ну д-да, кажется. У нее эта мелодия н-на мобильнике стояла, п-поэтому я ее и запомнила. Это ее с-самая любимая п-песня. В общем, разнос-сторонние интересы, н-не могу выделить что-то одно. Что выросло, то выросло. Ее писательство для меня с-стало большим сюрпризом. Знала, конечно, что она ведет д-дневник, но не думала, что это перерастет во что-то большее. Сочинения у нее всегда б-были на твердую четверку, хотя школу она с медалью окончила.

– Где она потом училась?

– В к-колледже. На менеджера. Тоже к-красный диплом, хотя как она умудрилась его получить, для меня загадка. С лекций вечно приходила с изрисованными тетрадками, и ни слова из того, что говорил п-преподаватель. Помимо всего прочего, она ж-жуткая лентяйка.

В моей голове постепенно стал вырисовываться образ физически развитой акселератки, хотя стоп – в балет не берут выше ста семидесяти сантиметров! Тогда физически развитая девушка среднего роста, умеющая боксировать, плавать на байдарке, просто плавать, играть на нескольких инструментах, в том числе на балалайке, умеющая рисовать, знающая классику кинематографа, лениво насвистывающая «Wind of change»... Где такое чудо может носить?

– Фотография ее у вас есть? – наконец осенило меня.

Но с фотографии на меня смотрела совсем не мускулистая здоровячка, а худенькая, даже слишком худенькая девушка с русыми волосами. Неулыбчивое, серьезное лицо, глаза хранят какое-то строгое предупреждающее выражение. Такие глаза должны быть у женщин, переживших многое, а не у двадцатилетней девчонки.

– У нее меланхолический характер? – спросила я. – Уж больно серьезная.

– Ольга? Да что вы! Никогда не видела, чтобы она п-плакала. Флегматик – это да. Философствовать любит. Ну что еще вам про нее рассказать?

– Что она любила больше всего?

Мать долго думала, прежде чем ответить.

– П-пожалуй, что читать книжки и анализировать. Детективы пачками глотала, пока сама писать не начала. Она так насобачилась, что, когда смотрит фильм, уже заранее знает, кто из героев преступником окажется. Еще ни разу не ошиблась.

– Хорошо. А молодой человек ее кто такой?

– А, С-сергей! Но, к сожалению, здесь я ничем не могу вам п-помочь. Я д-даже фамилии его не знаю. Знаю, что какая-то немецкая фамилия, при этом даже как-то забавно переводится, но в-вспомнить... Вы знаете, у нее где-то была с-старая записная книжка, я п-пойду поищу.

– И фотографию его, если есть! – вдогонку крикнула я.

– А фотографии у меня его н-нет, – из комнаты ответила Нина Александровна. – Я его даже не видела.

– Как это? Ольга давно с ним встречается?

Я выглянула из кухни. Нина Александровна осматривала сквозь очки сооружение, которое в обычных семьях именуется стенкой.

– Да кто их знает. Она ни разу не п-привела, не п-показала, что там за С-сергей. Она вообще скрытная т-такая, все в себе, в-все молчком. Г-господи, да вот же эта книжка, а я ее на верхней полке ищу!

Она сунула мне в руки тоненький блокнотик в твердом переплете. Я открыла на букву С и среди собак, свечей, солярия, Светки, Светки-мамы и Светки-работы нашла Сергея. Телефон был очень простым – пятьдесят-сорок-сорок. Отлично.

– Кто такая Светлана? – по ходу спросила я.

– Подруга. П-правда, в последнее время они отчего-то п-перестали общаться. Но сходите к ней, м-может, что и узнаете.

Больше мне здесь ловить было нечего. А потому я попрощалась и ушла, пообещав, что непременно буду докладывать о результатах расследования. В качестве средства связи я предусмотрительно оставила недорогой сотовый телефон, который купила по дороге.

Поскольку Родион Потапович предупредил меня, что в доме нет телефона и никто из родителей также не имеет сотовой трубки, я решила позаботиться об этом для собственного удобства. Странно, конечно, что в семье телефон есть только у дочери, однако мне не стоило соваться со своим уставом в чужой монастырь. Мало ли, может, тут дело принципа? Записную книжку девушки я унесла с собой. Начинать я собиралась с молодого человека. Не успев выйти из подъезда, я набрала пятьдесят-сорок-сорок, однако долгие гудки на том конце связи сообщали мне, что трубку никто брать не хочет. Скорее всего, никого нет дома. Ладно, перезвоню позже.

Неожиданно записная книжка, которую я держала под мышкой, выскользнула и упала на чисто вымытые ступени. Как хорошо, что здесь есть уборщица, стоять приятно. И книжка не испачкалась. Хоть и не моя вещь, но все равно... Я подняла книжку, но тут мой взгляд остановился на почтовом ящике. Если смотреть сверху, то письма в нем не было видно. А если сидеть на корточках, как я, то можно сразу разглядеть белый уголок конверта, который, видимо, завалился за щель и спрятался от людских глаз. Определив по номеру ящика, что он принадлежит квартире Заречных, я достала письмо.

Знаю, что читать чужие письма нельзя. Но у меня особый случай – я сыщик, человек без морали и принципов. Обратного адреса не было. Вместо фамилии в графе «От кого» стояла оригинальная подпись – «Ты знаешь, кто это». Внутри находилась открытка с милым детским рисунком – зайчик в джинсах дарит громадный букет ромашек зайныке. И пять слов: «Малыш, я скоро вернусь. Жди». Из всего семейства Заречных только одна особа подходила под описание малыша – пропавшая дочь. Штемпель был московский. Я с трудом разобрала цифры на почтовом штемпеле и отправила Родиону SMS-сообщение, чтобы определил, из какого района отправлено письмо. Хотя вряд ли это что-то даст. Я сунула письмо в сумку и отправилась в баню.

Глава 3

Я заранее поинтересовалась у Заречной, где здесь находится ближайшая общественная баня. Оказалось, совсем рядом – буквально перейти улицу. Полотенце и прочие банные принадлежности у меня с собой были, так что я просто оплатила душевой номер. Вышла другим человеком. Чистым и почти счастливым. Господи, благодарю тебя за те маленькие радости, которые ты нам даришь! Перекусив в ближайшем кафе, я отправилась на обход подруг Ольги, которые жили в этом же городе. Сергей с невыясненной немецкой фамилией жил в Саратове, но лучше уж я сразу опрошу здешних подруг. Не хватало еще туда-сюда мотаться в этих ужасных автобусах. Московское метро тоже не сахар, но оно хотя бы свое, родное... Ближе всех, а точнее, в соседнем доме, жила тезка Заречной – Ольга Каширина. Но эта девушка оказалась на пляже. Далее шла Светлана. Она тоже отправилась загорать. По телефону мне ответили, что третья, она же последняя, подруга пропавшей девушки, Татьяна, также находится на пляже. Я поспорила сама с собой, вместе они там или врозь? Ставлю сто против одного, что вместе. Фотографии всех трех у меня были. Как сказала мать Заречной, ее дочь очень не любила фотографироваться, поэтому такие общие снимки редкость. Значит, мне повезло.

Поскольку данные о молодом человеке Ольги у меня практически отсутствовали, я могла хоть что-то узнать о нем у ее близких подруг. На чтение дневника Ольги у меня пока времени не было, да там могло ничего и не быть – многие люди не указывают конкретных имен в дневниках, мало ли кому он попадет в руки. Хотя странно, конечно, что дочь не познакомила близких ей людей – мать и жениха. Что же там за Сергей?

– Обычный парень, – равнодушно сказала Татьяна, та, что была в зеленом купальнике и с обесцвеченными волосами, на руке у которой сияло обручальное кольцо. – Я бы даже сказала, ничего особенного. Хотя бабло есть.

– Да нет, он нормальный, – прибавила другая, сидящая в шезлонге Ольга Каширина. У нее были длинные рыжие волосы, которые она в данный момент, чертыхаясь, расчесывала, они отчаянно спутывались. Задорная усмешка открывала очень белые ровные зубы. Фигура у девушки была почти мужская – с широкими плечами и сильными руками. Тип кустодиевской «Сибирячки». Жизненная сила так и хлестала из нее через край, а румяные щеки говорили либо о повышенном давлении, либо о крепчайшем здоровье. Она буквально не могла спокойно усидеть ни секунды, постоянно что-то делала: то перебирала волосы, то играла с мобильником.

Полной противоположностью ей была болезненного вида Светлана, которая молча сидела прямо на песке и курила, практически не обращая на наш разговор внимания. Однако на вопрос, насколько серьезными были отношения Ольги и Сергея, она ответила, словно очнувшись от своих грез. Правда, ответ был кратким:

– Он ей не подходит.

Я ждала продолжения, но Светлана все так же молча вынула новую сигарету из пачки «Собрания» и щелкнула пластиковой зажигалкой. На мой взгляд, цена этих сигарет никак не соответствовала старому дешевому купальнику и общему какому-то тусклому облику девушки. Весь ее вид просто кричал о пагубных наклонностях. Неужели наркотики?.. Однако выводов я делать не стала.

– Почему вы так думаете? – поинтересовалась я.

Светлана снова взглянула на меня так, будто увидела впервые, и пожала плечами. Я отметила болезненную худобу девушки. Болезненную в том смысле, что кожа на ней будто бы висела. словно когда-то Света была полной, а потом неожиданно похудела, причем резко, иначе откуда такие растяжки на коже. Резкие скачки веса, сыпь на коже, бледность, зябкость – я заметила, как Светлана вздрагивает от ветра, хотя он был теплым, а ее белая кожа совершенно сухой, – все это мне очень не понравилось. Как бы в ее зрачки заглянуть? Не удивлюсь, если

они расширены. Но девушка была в темных солнцезащитных очках, которые не позволяли мне поставить окончательный диагноз.

– Не знаю, – ответила она, – просто сложилось такое ощущение. Когда я его впервые увидела, он мне не понравился.

«Так он и не должен нравится тебе, – мысленно поправила я. – Главное, чтобы он нравился той, кто с ним встречается. А твое мнение тут не очень-то важно. Или важно?..»

На данный момент у меня было не так уж много информации об этом молодом человеке. Его имя – Сергей, возраст – двадцать два года. Место работы – какой-то компьютерный салон, название, как мне сообщили девушки, связано с компьютерами (последнее замечание меня умилило: в самом деле, какая редкость – включить в название соответствующей фирмы слово «компьютер», просто ищи – не хочу). Фамилию его так никто толком и не вспомнил – то ли Бург, то ли Берк, но что-то односложное. Это была уже зацепка – несмотря на то что в Саратове много немцев, найти Сергея с такими инициалами будет нетрудно. Кроме того, было известно, что он живет в Саратове, на центральной улице – Московской. Конкретного адреса не знали, зато сказали, что в доме находится мебельный магазин, а на самом здании висит большущий плакат, изображающий модно одетого мужчину. Описание внешности Сергея также не создавало внятного образа – русоволосый, глаза серо-зеленые, роста чуть выше среднего, симпатичный, но из толпы ничем, в общем-то, не выделяется. Таких тысячи, если не больше.

Гораздо больше души было вложено Ольгой Кашириной в описание другого молодого человека, который был другом Сергея. Каширина, которая познакомилась с саратовской компанией своей подруги на дне ее рождения, мечтательно вздохнула в ответ на мою просьбу дать какие-нибудь характеристики тем людям, с которыми, как я думала, Заречная и уехала в неизвестность. По тону Кашириной мне стало ясно, что некий Андрей до сих пор владеет ее сердцем.

– Андрея описать? – воодушевилась она. – О! Он такой... Такой, знаете, большой! Рост под два метра, фигура атлетическая, лицо – ну просто молодой бог! Представляете, загорелый брюнет, глаза такие голубые, красивые... – на этом дифирамбы неожиданно прекратились: – Но мы с ним расстались... Знаете, это была любовь с первого взгляда...

– Просто переспали, – прокомментировала Татьяна. Ольга не обратила на ее подначку внимания.

– Нам было очень хорошо, но только мы не сошлись характерами... Эх, а все так хорошо начиналось!.. Луна, река, теплая летняя ночь...

Она с комической грустью вздохнула, но, взглянув на меня, не выдержала и фыркнула. Жизнелюбие ее не могло не привлекать.

Я уточнила:

– Но у вас остался номер телефона Андрея? Как, кстати, его фамилия?

– Андреев. Андрей Андреев, прикольно, да? Он при том и Андреевич. Говорил, что в его семье всех мальчиков так называют. Номер телефона? – наморщила лоб Каширина и отчего-то подозрительно посмотрела на меня. – А зачем вам?

Я объяснила, что через него хочу найти Сергея. Каширина достала сотовый, и вскоре у меня был номер еще одного знакомого Заречной.

– Только он вам ничем не поможет. Насколько я знаю, – сказала Каширина, – Андрюха не поехал вместе с Серым, Ольгой и остальными.

– Почему вы так думаете?

– Ревнует, – вклинилась Татьяна, плавным жестом поправляя блондинистую челку. – Ему Ольга нравится, а она с Сереженькой гуляет. Вот и на тебя внимание обратил, я тебе давно это говорила! А ты – любовь, страсть...

Вот тут Каширина не выдержала, вспыхнув и горячо возразив:

– Знаешь что, хватит уже! Если у тебя в личной жизни полный застой, так нечего других подтыкать! Ты от этого ни умнее, ни счастливее не станешь!

– Я скоро выхожу замуж и очень счастлива, между прочим! – напористо возразила Татьяна.

Каширина пробормотала:

– Ага, только про счастье мне не надо лапшу вешать. Тоже ведь на бабки клюнула. – И, уже обращаясь ко мне, сказала: – Андрей не поехал на дачу, потому что у него сейчас горячая пора на работе. Их компания «Отто» запустила рекламу по телику, и народ бросился компы покупать. А он сборщик. Отпуск у него был в марте, как раз тогда, когда у нас завязались отношения, так что сейчас бы его при всем желании никто не отпустил. А они поехали на дачу на несколько дней.

– А куда, вы не знаете? – уже безнадежно спросила я. Вначале этот вопрос уже звучал, но подруги заверили – вернее, Каширина заверила меня, что не знает, куда отправилась Ольга Заречная.

– Потому что она и сама не знала, где конкретно находится дача Лешки. Сказала, что около Поливановки, а там ведь много чего находится. Однако я знаю, что дом должен быть просто супер.

– Почему вы так думаете? – заинтересовалась я.

– Хотя бы потому, что Лешка – учредитель фирмы, в которой работает Сергей, – объяснила Каширина.

– Вот он бы ей подошел, – неожиданно сказала Светлана. Спрашивать, кто, кому и почему подошел, не имело смысла – девушка притушила окурок в песке и поднялась, давая понять, что больше она со мной общаться не станет.

– Оль, дай эту мятную штуку... – протянула она руку к Кашириной.

– Я же тебе целую пачку вчера подарила, – удивилась Ольга.

Светлана ойкнула, оглянулась и, обнаружив рядом на покрывале упаковку каких-то пластинок, взяла одну и сунула себе в рюкзак.

– Извини, забыла, – усмехнулась она, после чего отправилась плавать.

– Что ты ей подарила? – сразу же вклинилась Татьяна.

– Таблетки, типа «Рондо», – неохотно пояснила Каширина. – Папа из Германии привез. Название – хрен выговоришь.

– А почему ты мне не дала?

– У меня только две были, – раздраженно ответила Каширина. – Я что, должна о всех сразу заботиться? Тань, ты же работаешь, не можешь себе «Орбит» купить? Как маленькая, честное слово!

Татьяна обиделась и замолчала. Однако нравы, царящие в этой девичьей компании, были удивительны. Одна – Татьяна – если и говорила что-то хорошее, то только о себе, а об остальных отзывалась язвительно. Светлана была молчалива, как камень, лишь изредка бросая загадочные, не совсем понятные фразы. Одна Каширина меня выручила, выложив все как на духу. Хотя впечатления болтушки не производила. Скорее всего, действительно переживала за подругу.

– Не обращайтесь внимания, – сказала Каширина. – Светка у нас вообще не от мира сего, рифмоплет. Вся в стихах, поэмах... Она рэп может читать, так здорово! Творческая личность.

– Да у нее просто мужика нет, вот и делает вид, что ее ничего не интересует. А стихи – это все фигня, маскировка! – вдруг с необычной злостью сказала Татьяна, снявшая с лица полотенце, которым закрывалась от солнца. Из всех трех Татьяна была внешне самой симпатичной, с идеальной кожей и красивыми глазами. Однако за все время, что я тут сидела, выражение этих глаз было каким угодно, но только не добрым. Практически все ее раздражало, все ей мешало – народ орал, вода была слишком холодной, песок слишком горячим... В общем,

своими капризами она порядком надоела окружающим, в том числе и мне. Странно, вроде бы подруги, а такая злость у Татьяны в голосе, когда она говорит о них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.